

УДК 81-112.81'362

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ МОРФОЛОГИИ ДИАЛЕКТОВ

Ж. Багана
Е. В. Бондаренко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
baghana@yandex.ru
bond-elena@yandex.ru*

В статье описывается английский язык на древнем этапе его диахронии, раскрываются специфические особенности морфологии четырех древнеанглийских диалектов, рассматриваются вопросы варьирования показателей морфологических категорий и выясняются возможные причины наличия диалектных отличительных черт.

Ключевые слова: эволюция языка, диалектное варьирование, маркеры морфологических категорий, внутренние и внешние причины языковых изменений.

Введение

В V в. н. э. когда первые германцы высаживались в Британии, у них не было одного общего языка. Понятия «древнеанглийский язык» не существовало. Разделенные на племена древние германцы говорили на отдельных диалектах. В них было много общего и люди, использовавшие эти диалекты, понимали друг друга. Но, не смотря на наличие сходных черт, в диалектах имелись и различия. Существует мнение, что древнеанглийские диалекты восходят к бывшим племенам, которые на континенте жили рядом, но не вместе. Интересна и другая точка зрения, согласно которой германская эмиграция осуществлялась несколькими большими группами, и не одновременно. Германцы, переселившиеся в Британию, принадлежали к четырем этническим группам: англов, саксов, ютов и фризов. Саксы и юты переселялись отдельно и в другое время, чем племена англов [1].

Каждая из этих групп образовала свои поселения, не смешиваясь с другими. На севере страны селились англы, объединившиеся в два королевства: Нортумбрию и Мерсию. Королевство Уэссекс основали саксы. На юго-востоке страны появилось королевство ютов – Кент. Таким образом, на древнем этапе диахронии английского языка выделяются четыре диалекта: нортумбрийский, мерсийский, уэссекский и кентский. Только после того, как король Уэссекса Альфред Великий объединил независимые королевства в конце IX в. н. э., разрозненные диалекты стали постепенно обнаруживать общие тенденции развития. Но процесс этот был долгим, именно поэтому как в среднеанглийский период, так и в современном английском языке, диалекты все еще различимы.

Междиалектное расхождение уходит корнями в различие культурное, во времена, когда племена древних германцев жили на континенте [2]. Диалекты англов в королевствах Нортумбрии и Мерсии имели наибольшее количество различий по сравнению с диалектом саксов. Причину этому явлению следует искать в фонологических процессах, происходивших в древнейшую эпоху. На юге страны морфология была более консервативна и дольше других диалектов сохраняла флективные формы, которые постепенно стали нивелироваться на севере.

Морфологический анализ памятников древнеанглийской литературы показывает, что в целом, древнеанглийский язык сохранял свою морфологию, основанную на разветвленной системе флективных форм. Эта сложная система флексий была характерной чертой всех индоевропейских языков. Имена существительные имели четыре падежа, имена прилагательные имели две группы флексий, в зависимости от того, употреблялись ли они в сильном или слабом склонении. Местоимения делились на разряды и имели три рода, два числа и четыре падежа. Система отношений между именами существительными, прилагательными и местоимениями в древнеанглий-

ском языке и его диалектах может быть соотнесена с аналогичной системой латинского, греческого и других индоевропейских языков [3].

Далее, в диахронии английского языка, на древнем этапе его развития произошли многочисленные фонологические сдвиги, в результате которых появились омонимичные пары. В системно-структурной организации языка стали накапливаться инновации, когда один и тот же морфологический маркер мог выполнять пять разных функций. Примеров склонения имен существительных можно привести множество и почти везде формы им. и вин. п. будут совпадать: ср. р., им. п./вин. п., ед. ч. *scēar* «овца – овцы»; ср. р., им.п./вин. п., мн. ч. *scēar* «овцы – овец».

Аналогичные процессы были характерны и для системы местоимений. В частности, формы местоимений третьего лица имели похожее произношение во всех диалектах. Местоимение муж. р., 3 лица, ед. ч., им. п. «*hē*» не сильно отличалось по произношению от местоимения жен. р., ед. ч., им. «*hēo, hīo*» и вин. п. «*hī, hīe*». В свою очередь эти местоимения были похожи с местоимениями мн.ч., им. и вин. п. «*hī, hīe, hēo*». Местоимение муж.р. и ср., ед. ч., дат.п. имели форму «*him*», а мн. ч., дат. п. – «*him, heom*». Местоимение жен. р., ед. ч., род. и дат.п. имели одни и те же формы «*hire, hure, hierie*». Род. п. муж. и ср.р. также совпадал – «*his*». В речи местоимения почти всегда были безударны и поэтому часто та разница, которая существовала на письме, стиралась: «*hire - heoga*». Так система склонения имен претерпевала некоторые изменения уже на уровне древнеанглийской морфологии, и начались они, прежде всего в англских диалектах Нортумбрии и Мерсии, и гораздо позднее стали появляться в диалекте саксов.

В ходе саморазвития языка, когда постепенно неударные слоги стали редуцироваться, процесс разграничения слов проявился еще больше и стал набирать силу. Но, диалекты по-разному отреагировали на появившиеся инновации. В уэссекском диалекте, на юге страны похожие пары местоимений некоторое время оставались без изменений. На севере население контактировало с датчанами – викингами и часто находилось под их влиянием. Здесь развитие Нортумбрийского диалекта пошло по пути исчезновения старых англо-саксонских местоимений и их заимствованию из языка датчан. Так, в древнеанглийском языке появились местоимения *they, them, their*.

Система древнеанглийского глагола существенно отличалась от системы глагола греческого и латинского языков. Если в указанных языках существовали многочисленные флективные образования для выражения различных глагольных форм, то в древнеанглийском языке разнообразие этих форм было гораздо беднее. Глагол имел два времени: настоящее и прошедшее. Будущее время оформлялось лексическими средствами с использованием глагола в настоящем времени. Употребление сложных форм со вспомогательными глаголами было не частым. Глаголы изъявительн. накл., мн.ч., наст.вр. имели одну форму: *helrað* «помогают», *bindað* «связывают». Эта флективная форма восходит к формам 3 лица, ед. ч. В прошедшем времени формы 1 и 3 лица, изъявительн. накл. были одинаковы: *healp* «помогал», *band* «связал».

Со временем древнеанглийская морфология все больше накапливала омонимичные формы, маркеры которых полностью совпадали, при выполнении различных морфологических функций. В уэссекском диалекте таких форм было достаточно много, чтобы создавать предпосылки для дальнейшего саморазвития языка. В нортумбрийском диалекте саморазвитие языка шло гораздо интенсивнее, так как на севере флексия *-n* ранее других диалектов обнаружила тенденцию к исчезновению во всех флективных формах, которые она маркировала. В результате этого конечные гласные безударных слогов часто произносились и писались не совсем точно, именно поэтому в дошедших до нашего времени памятниках литературы мы находим редуцированные флексии, не совпадающие с классическими падежными парадигмами.

Древнеанглийская морфология стала перестраиваться и искать замену редуцированным флексиям. Именно в это время стал более четким порядок слов в предложении и отношения между членами предложения стали оформляться посредством предлогов. Частично двойственность употребления одних и тех же форм сглаживало

применение десемантизированных указательных местоимений, которые позднее выполняли функцию артикля. Вся система склонения и спряжения была существенным образом перестроена.

Теоретический анализ

Памятники древнеанглийской литературы существуют на каждом из четырех древнеанглийских диалектов. Их изучение и компаративный анализ морфологических характеристик позволяет наиболее полно раскрыть диалектное варьирование древнеанглийского языка [4].

Нортумбрийский диалект.

Морфологический анализ известного отрывка из «Церковной истории английского народа», который содержит «Гимн Кэдмона», позволил получить следующие результаты: анализ по частям речи и их морфологическим категориям подтверждает факт сохранения нортумбрийским диалектом древнеанглийского языка флексий, выраженных синтетически.

В системе имени различаются грамматические категории рода, числа и падежа. Имена существительные часто сами маркируют категорию рода: *in gebēorscipe* – празднованию: сущ., муж. р., ед. ч., дат. п. от OE *gebēorscipe* «празднование»; *gebēorscipes* – празднование: сущ., муж. р., ед. ч., род. п. от OE *gebēorscipe* «празднование»; *foldu* – землю: сущ., жен. р., ед. ч., вин. п. от OE *folde* «земля»; *aelda* – землю: сущ., жен. р., ед. ч., род. п. от OE *eorð* «земля»; *uuldurfadur* – Отец славы: сущ., ср. р. от OE *wuldor* «слава» + сущ., муж. р., ед. ч., род. п. от OE *fæder* «отец»; *uundra* – чудеса: сущ. ср. р., мн. ч., род. п. от OE *wundor* «чудо». Сочетающиеся с именами существительными имена прилагательные часто выступают в формах сильного склонения и выражают категорию рода: *sumre tīde* – определенному времени: *sumre* – одна, определенная: прилаг., жен. р., ед. ч., дат. п. от OE *sum* «один, определенный»; *tīde* – времени: сущ., жен. р., ед. ч., дат. п. от OE *tīd* «время»; *in gelimplicre tīde* – подходящему времени: *gelimplicre* – подходящей: прилаг., жен. р., ед. ч., дат. п. от OE *gelimplic* «подходящая»; *tīde* – времени: сущ., жен. р., ед. ч., дат. п. от OE *tīd* «время». Местоимения часто маркируют категорию рода в тексте памятника: *þæs gebēorscipes* – того празднования: *þæs* – того: указат. мест., муж. р., ед. ч., род. п. от OE *se* «тот», *gebēorscipes* – празднование: сущ., муж. р., ед. ч., род. п. от OE *gebēorscipe* «празднование».

Категория числа различает флексивные формы единственного и множественного числа. Существительные мужского рода в именительном/винительном падеже сохраняют флексию – *as*: *heofon* – *heofonas* «небо – небеса». Множественное число существительных среднего рода в указанном падеже выражено нулевой флексией –*o*: *leod* «песни, стихотворения»; *word* «слова». Маркер родительного падежа –*a*: *nēata* – скота: сущ., ср. р., мн. ч., род. п. от OE *nēat* «скот»; *uundra* – чудеса: сущ., ср. р., мн. ч., род. п. от OE *wundor* «чудо»; дательного падежа –*um*: *barnum* – детям: сущ., ср. р., мн. ч., дат. п. от OE *bearn* «дитя, ребенок»; *figum* – людям: сущ., муж. р., мн. ч., дат. п. от OE *figas* «люди». По вышеприведенным примерам можно проследить и категорию падежа.

Имена прилагательные подобно именам существительным сохраняют свои грамматические категории рода, числа и падежа: *esci* – вечный: прилаг., муж. р., ед. ч., им. п. от OE *ēse* «вечный»; *ealle* – все: прилаг., муж. р., мн. ч., им. п. от OE *eall* «все»; *gelimplicre* – подходящей: прилаг., жен. р., ед. ч., дат. п. от OE *gelimplic* «подходящая»; *ænig* – любого: прилаг., ср. р., ед. ч., вин. п. от OE *ænig* «любой». Система местоимений представлена несколькими разрядами: личные, притяжательные, указательные, вопросительные и неопределенные местоимения. Флексивность форм местоимений в языке памятника сохраняется.

В системе глагола выявляются некоторые флексивные формы. Несколько глаголов встречаются в форме инфинитива: *nēalgsan* – подходить ближе: глаг., слаб., 1 класс, инфинитив от OE *nēalgsan* «подходить ближе»; *singan* – петь: глаг., сильн., 3 класс, инфинитив от OE *singan* «петь, сочинять». При анализе сильных и слабых глаголов наиболее

интересными являются формы прошедшего времени. У сильных глаголов это специальные образования: *geseah* – видел: глаг., сильн., 5 класс, 3 лицо, ед. ч., прош. вр. от ОЕ *gesēon* «видеть»; *onfēng* – получил: глаг., сильн., 7 класс, 3 лицо, ед. ч., прош. вр. от ОЕ *onfōn* «получать». У слабых глаголов это флективные формы с дензальным суффиксом: *geleornade* – выучил: глаг., слаб., 2 класса, 3 лицо, ед. ч., прош.вр., от ОЕ *geleornian* «выучить»; *grētte* – приветствовал: глаг., слаб., 1 класс, 3 лицо, ед. ч., прош. вр. от ОЕ *grētan* «приветствовать». Формы причастия оканчиваются на *-ende* в настоящем времени: *gongende* – идущий: глаг., сильн., 7 класс, прич., наст. вр. от ОЕ *gongan* «идти»; и на *-en, -ed* в прошедшем времени: *geseted* – назначенный: глаг., слаб., 1 класс, прич. прош. вр. от ОЕ *gesettan* «назначать, устанавливать».

Многообразие флективных форм подчеркивает факт того, что нортумбрийский диалект на данном диахроническом срезе при наличии диалектных особенностей все сохранял общую синтетичность, присущую древнеанглийскому языку [5].

Для подтверждения выводов о сохранности флективной системы был использован метод количественного анализа, известный как Индекс Гринберга. Количественная оценка произведена на первой сотне слов из анализируемого текста памятника древнеанглийской литературы. Для выяснения уровня синтетичности древнеанглийского языка, его нортумбрийского диалекта были применены два индекса Гринберга: Индекс преобладающего словоизменения и Индекс синтетичности. Индекс преобладающего словоизменения вычислялся следующим образом: из первых ста слов изучаемого текста были выделены лексемы, содержащие флексии. Их количество составило 58 лексем. Это количество лексем было разделено на сто лексем текста. Полученный результат составил 0,58. Таким образом, Индекс преобладающего словоизменения Гринберга данного текста равен 0,58. Данный показатель позволяет утверждать, что половина слов в анализируемом отрывке имеет маркеры словоизменения. Аналогичным образом был выделен Индекс синтетичности. Общее количество морфем текста равно 140. Если это количество морфем разделить на 100 лексем текста, то получится 1,4 – Индекс синтетичности текста.

Мерсийский диалект.

«Грамота короля Оффы в Ворчестер» написана на мерсийском диалекте в X веке. С лингвистической точки зрения это интересный и важный документ, так как в нем представлены фонетико-морфологические особенности, отличающие этот диалект от других. Интересно отметить изменение краткого «æ» в «a»: *ḡām basan* «тем ручьям».

Исследование этого памятника древнеанглийской литературы показало, что в системе имени три морфологические категории: рода, числа и падежа были выражены синтетически, как и в нортумбрийском диалекте, но маркеры этих категорий варьировались. Следуя грамматической традиции древних германских языков, имена существительные и прилагательные могли сами выражать эти категории, тогда они использовались в сильном склонении. В слабом склонении, эти категории были выражены другими частями речи. Для имен существительных это могли быть имена прилагательные и местоимения; для прилагательного в сочетании с существительным – местоимение.

В памятнике присутствуют примеры как сильного, так и слабого склонения. Сильное склонение отмечается в следующих случаях: *in wudumōr* – в болотистую местность возле леса: *wudu* – лес: сущ., муж. р., ед. ч., им. п. от ОЕ *wudu* «лес»; *mōr* – болото: сущ., муж. р., ед. ч., им. п. от ОЕ *mōr* «болото»; *in seges mere* – стремительное, быстрое озеро, море: *seges* – стремительный, быстрый: прилаг., сильн., муж. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *secg* «стремительный»; *mere* – озеро, море: сущ., муж. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *mere* «озеро, море». Слабое склонение можно отметить в словосочетаниях: *in ḡone wulfseāf* – ту волчью нору, яму: *ḡone* – тот: мест., указат., муж. р., ед. ч., вин.п. от ОЕ *sē* «тот»; *wulfseāf* – волчью нору: сущ., сложн.: *sēaf* – нора, яма: сущ., муж. р., ед. ч., вин. п. от ОЕ *sēaf* «нора, яма»; *ḡæs pulles hēafod* – того озера, ручья голова (начало): *ḡæs* – того: мест., указат., муж. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *sē* «тот»; *pulles* – озера, ручья:

сущ., муж. р., ед. ч., род. п. от OE *pull* «озеро, ручей»; *hēafod* – голова: сущ., ср.р., ед.ч., род. п. от OE *hēafod* «голова»; *þam wætan sice* – тому водному потоку: *þam* – тому: мест., указат., муж. р., ед. ч., дат. п. от OE *sē* «тот»; *wætan* – мокрая, сырая: прилаг., слаб., муж. р., ед. ч., дат. п. от *wæt* «мокрый, сырой»; *sice* – водный поток: сущ., муж. р., ед. ч., дат. п. от OE *sic* «водный поток».

Система мерсийского глагола различала морфологические категории числа, лица, времени и наклонения. Различные группы глаголов по-разному оформляли эти грамматические категории. Группы сильных и слабых глаголов имели два числа: единственное и множественное: *hæfde* – имел: глаг., слаб., 3 класс, ед. ч., прош. вр. от OE *habban* «иметь»; *wæron* – (они) были: глаг., сильн., 5 класс, мн.ч., прош.вр. от OE *wesan* «быть». Время могло быть настоящим или прошедшим: *gefæstnige* – подтверждаю: глаг., слаб., 2 класса, наст. вр., изъявит. накл. от OE *gefæstnigan* «подтверждать»; *geūfe* – пожалованный, подаренный: глаг., прош.вр., от OE *geunnan* «жаловать, даровать». Претерито-презентные глаголы составили немногочисленную группу, в связи со спецификой изучаемого текста: *āgāne* – (те, которые) ушли: глаг., претерито-презентный, 7 класс, мн.ч., прош.вр. от OE *āgan* «уходить прочь».

Фонетико-морфологический анализ специфических черт мерсийского диалекта «Грамоты короля Оффы в Ворчестер» был дополнен количественным методом – индексом Гринберга: Индексом преобладающего словоизменения и Индексом синтетичности. Вычисление Индекса преобладающего изменения показало, что он равен 0,64. Это значит, что из 100 лексем исследуемого текста 64 лексемы имеют флективную форму, т.е. больше чем половина лексики маркирована. Индекс синтетичности для мерсийского диалекта Грамоты равен 1,41. Он почти идентичен с аналогичным индексом нортумбрийского диалекта «Церковной истории английского народа» Беда Достопочтенного.

Уэссекский диалект.

Одним из самых известных памятников написанных на уэссекском диалекте является «Англо-саксонская хроника» [6]. Система именных частей речи весьма разнообразна в хронике. Синтетические морфологические маркеры выражают категории рода, числа и падежа у существительных, прилагательных и местоимений: *hærfest* – осень, урожай: сущ., муж.р., ед.ч., им.п. от OE *hærfest* «урожай»; *mon* – человек: сущ., муж. р., ед. ч., им. п. от OE *mann* «человек»; *þa sume dæge* – в тот день лета: *sume* – лето: сущ., муж. р., ед. ч., вин. п. от OE *sume* «лето», *dæge* – день: сущ., муж. р., ед. ч., вин. п. от OE *dæg* «день»; *feower þegnas* – несколько танов: *feower* – несколько: прилаг., род. п., мн. ч. от OE *feawer* «несколько»; *ofres folces* – другие народы: *ofres* – прилаг., ср.р., мн. ч., им. п. от OE *ofēr* «другой»; *þara geweorce* – ту крепость: указат. мест., ср. р., ед. ч., вин. п. от OE *þæt* «тот»; *þæs gipes* – тот урожай: указат. мест., ср.р., ед. ч., род. п. от OE *þæt* «тот»; *þa scipu* – тот корабль: указат. мест., ср. р., ед. ч., вин. п. от OE *þæt* «тот».

Система глагола сохраняет общие тенденции, характерные для морфологии древнеанглийского языка. В тексте «Англо-саксонской хроники» за 895 г., глагол представлен наиболее обширно. Наблюдается разграничение на сильные и слабые глаголы. Как у сильных, так и у слабых глаголов разграничение по классам остается. В рукописи представлены все классы. В основном, это формы прошедшего времени: *ofslægene* – были убиты: глаг., сильн., 6 класс, мн. ч., прош. вр. от OE *slēan* «убивать, бить»; *gegyron* – собрали урожай: глаг., 3 лицо, мн. ч., прош. вр. от OE *gīran* «собирать урожай»; *worhton* – они сработали, построили: глаг., слаб., 1 класс, 3 лицо, мн. ч., прош. вр. OE *wurcan* «работать».

Следует отметить и одну инфинитивную форму слабого глагола: *briengan* – приносить: глаг., слаб., инф. от OE *bringan* «приносить». В группу претерито-презентных глаголов входит один глагол с модальным значением: *mehte* – глаг., претерито-презентный, 3 лицо, ед. ч., прош. вр. от OE *maī, mau* «мочь». Правильных глаголов два: *gān* «идти» и *dōn* «делать». Оба глагола употреблены в форме прошедшего времени, множественного числа.

Уровень синтетичности уэссекского диалекта древнеанглийского языка был измерен с помощью Индексов Гринберга. Анализируя полученные результаты видно,

что для уэссекского диалекта показатели индексов выше, чем в нортумбрийском и мерсийском диалектах. Количество лексем, маркированных флексией, возрастает. Индекс синтетичности уэссекского диалекта также выше индекса нортумбрийского диалекта. Преобладающее количество морфем выявлено для уэссекского диалекта: 1,5. Результаты исследования показывают, что уэссекский диалект более синтетичен, чем нортумбрийский и мерсийский диалекты.

Кентский диалект.

Диалект ютов обнаруживает наибольшее количество специфических морфологических характеристик. Памятников древнеанглийской литературы на кентском диалекте мало. В основном это глоссы и деловые бумаги. К последним, относится «Завещание Беданота Беоттинга», изучение которого обнаружило наиболее характерные черты кентского диалекта древнеанглийского языка [7].

Система имени существительного сохраняет морфологические категории, выраженные синтетически, не отходя от общей тенденции развития древнеанглийского языка. Категория рода четко дифференцируется по флексии. У имен существительных мужского рода это флексии –a, –o, –e: *willa* «воля»; *dæg* «день»; *ierfe*, *yrfe* «наследник»; *cyning* «король»; *God*, *Crist* «Господь, Бог»; *hláford* «лорд»; *hīwan* «община». Имена существительные женского рода имеют флексию –o, –e: *stōw* «место»; *суге* «церковь»; *Bearf* «нужда, необходимость»; *tīde* «время». Имена существительные среднего рода имеют флексию –o: *frīodōm* «свобода»; *wīf* «жена»; *þing* «предмет, собрание»; *cild* «ребенок»; *land* «земля».

Маркерами морфологической категории рода могут быть как сами имена существительные, так и коррелирующие с ними имена прилагательные и местоимения. Флексия самого имени существительного маркирует категорию рода: *willa* – воля: сущ., муж. р., ед. ч., им. п. от OE *willa* «воля»; *æt Cristes* – Христа: сущ., муж. р., ед. ч., род. п. от OE *Crist* «Господь»; *þē cyninge* – королю: сущ., муж. р., ед. ч., дат. п. от OE *cyning* «король»; *tō mundbyrde* – защите: сущ., жен. р., ед. ч., дат. п. от *mundbyrd* «защита, опека»; *mid fullum frīodōme* – в полную свободу: *fullum* – полную: прилаг., ср. р., ед. ч., дат. п. от OE *full* «полный»; *frīodōme* – свободу: сущ., ср. р., ед. ч., дат. п. от *frīodōm* «свобода».

Сопутствующее имени существительному имя прилагательное часто определяет род для него. Кентский диалект также следует этому правилу, общему для всех древних германских языков: *Gode allmehtgum* – Господу Всемогущему: *Gode* – Господу: сущ., муж. р., ед. ч., дат. п. от OE *God* «Господь»; *allmehtgum* – Всемогущему: прилаг., сильн.скл., муж. р., ед. ч., дат. п. от OE *allmehtig* «всемогущий». Местоимение чаще всего само указывает на род древнеанглийского имени существительного: *mīnum dage* – моим дням: *mīnum* – моим: мест., притяж., мн. ч., дат. п. от OE *mīn* «мой»; *dage* – дням: сущ., мн. ч., дат. п. от OE *dæg* «день»; *þæm hlāforde* – тому лорду: сущ., муж. р., ед. ч., дат. п. от OE *hláford* «лорд»; *tō mīnre tīde* – мою годовщину: *mīnre* – мою: месь., притяж., жен. р., ед. ч., род. п. от OE *mīn* «мой»; *tīde* – годовщину (время): сущ., жен. р., ед. ч., род. п. от OE *tīd* «время»; *on þæm þingum* – тому предмету, собранию: сущ., ср. р., ед. ч., дат. п. от OE *þing* «предмет, собрание». Приведенные примеры показывают, что имя существительное сохраняет четырех падежную систему: именительный, родительный, дательный и винительный, не смотря на то, что примеров в винительном падеже в тексте «Завещания» найдено не было.

Категория числа маркируется в соответствии с общими правилами древнеанглийского языка. Родительный падеж для всех имен существительных имел флексию –a: *mīnra bearna* – моих детей: *mīnra* – моих: сущ., мн. ч., род. п. от OE *mīn* «мой»; *bearna* – сущ., мн. ч., род. п. от OE *bearn* «ребенок». Классическая флексия дательного падежа –um: *mīnum dage* – моим дням: *mīnum* – моим: мест., притяж., мн. ч., дат. п. от OE *mīn* «мой»; *dage* – дням: сущ., мн. ч., дат. п. от OE *dæg* «день».

Имена прилагательные, выявленные в тексте «Завещания Беданота Беоттинга», следуя морфологии имени существительного, полностью сохраняют свои морфологи-

ческие категории. По флексии различимы категории рода, числа и падежа. Наиболее последовательно показаны флексии имен прилагательных мужского и среднего рода: *Gode allmehtgum* – Господу Всемогущему: *Gode* – Господу: сущ., муж. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *God* «Господь»; *allmehtgum* – Всемогущему: прилаг., сильн.скл., муж. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *allmehtig* «всемогущий»; *mid fullum fīodōme* – в полную свободу: *fullum* – полную: прилаг., ср. р., ед. ч., дат. п. от ОЕ *full* «полный»; *fīodōme* – свободу: сущ., ср. р., ед. ч., дат. п. от *fīodōm* «свобода».

Система местоимений исследуемого текста достаточно разнообразно представлена несколькими разрядами. В тексте встречается лишь одно личное местоимение 1 лица, единственного числа: *īc wille* – я желаю: *īc* – я: мест., личн., 1 лицо, ед. ч. от ОЕ *īc* «я». Случаи употребления притяжательных местоимений более многочисленны: В единственном числе встречаются местоимения мужского и женского рода: *mīnne dei* – моему дню: *mīnne* – моему: мест., притяж., муж. р., ед. ч. дат. п. от ОЕ *mīn* «мой»; *tō mīnre tide* – мою годовщину: *mīnre* – мою: мест., притяж., жен. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *mīn* «мой». Формы множественного числа можно отметить в следующих словосочетаниях: *mīnra bearna* – моих детей: *mīnra* – моих: сущ., мн. ч., род. п. от ОЕ *mīn* «мой»; *bearna* – сущ., мн. ч., род. п. от ОЕ *bearn* «ребенок»; *mīnum dage* – моим дням: *mīnum* – моим: мест., притяж., мн. ч., дат. п. от ОЕ *mīn* «мой»; *dage* – дням: сущ., мн. ч., дат. п. от ОЕ *dæg* «день». Указательные местоимения все еще сохраняют некоторые флексивные формы: *to βēre stōwe*: *βēre* – то место: мест., указат., жен. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *sēō* «та»; *stōwe* – место: сущ., жен. р., ед. ч., род. п. от ОЕ *stōw* «место»; ср.р.: *on βæm βingum* – тому предмету, собранию: сущ., ср.р., ед.ч., дат.п. от ОЕ *βing* «предмет, собрание». В ходе анализа выявлен и один случай употребления возвратного местоимения: *mē siolfne* – мне самому: мест., возврат., 1 лицо, ед. ч., дат. п. от ОЕ *īc seolf* «я сам».

Систем глагола представлена несколькими глагольными формами. Инфинитив наиболее часто встречаемая форма: *gefeormien* – веселить, кормить: глаг., слаб., 2 класс, инф. от ОЕ *gefeormien* «веселить, кормить»; *βurhtion* – проводить: глаг., сильн., 2 класс, инф. от ОЕ *βurhtēon* «проводить».

Разделение на сильные и слабые глаголы прослеживается по всему тексту памятника кентского диалекта: *writan* – : глаг., сильн., 1 класс, наст.вр., ед.ч. от ОЕ *writan* «писать»; *fere* – прощаюсь, старею: глаг., слаб., 1 класс, 1 лицо, ед.ч., наст.вр. от ОЕ *feran* «прощаться, стареть». Прошедшее время сильных глаголов встречается у глагола *begitan* «получать»: *begæt* – получил: глаг., сильн., 5 класс, ед.ч., прош.вр. от ОЕ *begitan* «получать». В системе слабых глаголов в прошедшем времени употреблен глагол *βucgan* «покупать»: *gebohte* – купил: глаг., слаб., 1 класс, неправ., прош. вр. от ОЕ *βucgan* «покупать». Претерито-презентная группа глаголов состоит из глагола *magan*: *megen* – мочь: глаг., прет.-през., 5 класс, инф. от ОЕ *magan* «мочь».

Метод исследования с использованием индекса Гринберга позволил дополнить выводы лексико-морфологического анализа количественными данными. Анализ проведен на первых ста лексемах «Завещания Баданота Беоттинга». Индекс преобладающего словоизменения древнеанглийского языка, его кентского диалекта равен 0,78. Это самый высокий показатель из четырех диалектов. 78 лексем из 100 исследованных имеют флексию. Индекс синтетичности кентского диалекта составил 1,68. Уровень синтетичности указанного диалекта превосходит остальные три диалекта древнеанглийского языка. При исследованных 100 лексемах текста было обнаружено 168 морфем.

Заключение

Компаративные параллели некоторых флексивных форм в четырех диалектах показывают, что языковые междиалектные связи неоднозначны. Их можно проследить в несколько этапов, пошагово сравнивая отдельные морфологические маркеры.

Уэссекский и Кентский (южные) диалекты обнаруживают большее количество сходных черт по сравнению с Нортумбрийским и Мерсийским (северными) диалектами:

- Имена существительные с основой на $-\bar{a}$: им./вин.п., мн.ч. в группе южных диалектов имеют флексию $-a$: *saða* «заботы», в северных диалектах уже отмечается редукция: $-e$: *saðe* «заботы».

- Имена существительные с основой на $-g$ в род. п., ед. ч. также имеют отличия в маркировании форм: в южных диалектах сохраняется флексия $-es$: *fæderes* «отца»; в северных диалектах флексия $-og$ – *fador* «отца», заимствована из парадигмы склонения имен сущ. *mōðog* «мать», *brōðog* «брат».

- Использование формы дат.п. для вин.п. местоимений 1 и 2 лица, ед. ч.: в южных диалектах *mē* «мне/меня», *þē* «тебе/тебя». Северные диалекты четко разграничивали флективные формы местоимений 1 и 2 лица, ед. ч., дат. п. *mē* «мне», *þē* «тебе» – от форм вин. п. *mēs* «меня», *þēs* «тебя».

- На юге формы местоимений 1 лица, мн. ч., дат. и вин. п. совпадали: *ūs* «нам/нас». Формы местоимений 2 лица, мн. ч., дат. и вин. п. были идентичны – *ēow*. На севере – формы местоимений 1 лица, мн. ч. дат. п. *ūs* «нам» – вин. п., *ūsic* «нас»; 2 лица, мн. ч., дат. п. *ēow* – вин.п., *ēowic* возможно были общими с древневерхненемецкими местоимениями.

- В Уэссекском и Кентском диалектах, в системе местоимений наблюдались одинаковые тенденции развития: притяжательное местоимение 1 лица, мн.ч. – *ūser*, *ūge* «нас»; указательное местоимение муж. р., ед. ч., вин. п. – *þone* «того». Только Нортумбрийский диалект обнаруживал отличные формы: притяжательное местоимение 1 лица, мн. ч. – *ūsa* «нас». Указательное местоимение муж. р., ед. ч., вин. п. – *þene* «того».

- Система древнеанглийского глагола по-разному оформляла формы претерита. В южных диалектах: *hātan* «звать» – *hēt* «звал». В северных диалектах в прош. вр. сохранены древние формы двойного претерита, которые были характерны для готского языка: ОЕ *geord* «советовал» < Gothic *raigrōp*, ОЕ *hēht* «звал» < Gothic «*haithait*».

Суммируя все приведенные данные необходимо сделать несколько важных выводов. Существует расхождение в употреблении некоторых морфологических форм в диалектах на юге и севере страны. Северные диалекты ранее южных стали обнаруживать тенденцию к накоплению омонимичных и инновационных форм. Параллели этим морфологическим явлениям можно обнаружить в других германских языках, таких как готский, древнесаксонский и древневерхненемецкий. Возможно племена, говорящие на этих диалектах в разное время мигрировали в Британию и поэтому их диалекты развивались по-разному. Морфология южных диалектов сохраняет некоторые архаичные черты, по-видимому, восходящие к общему праязыковому состоянию на континенте. Причины данному диалектному варьированию следует искать как во внешних, экстралингвистических, так и во внутренних факторах языкового эволюционирования.

Список литературы

1. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. – М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1955. – 319 с.
2. Макаев Э. А. Диахроническая морфонология древних германских языков // Историко-типологическая морфология германских языков. – М., 1977.
3. Ярцева В. Н. Историческая морфология английского языка. АН СССР, Ин-т языкознания. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
4. Sweet H. Sweet's Anglo-Saxon Reader; 10th ed., revised by C. T. Onions. – Oxford: Clarendon Press.
5. Baugh A. A. History of the English Language. – London, 1990.
6. Clark J. Early English: study of Old and Middle English. – London: Essential Books, 1957.
7. Classen E. Outline of the History of the English Language. – New York: Greenwood Press Publishers, 1996.

OLD ENGLISH LANGUAGE: DIALECTS COMPARATIVE MORPHOLOGICAL ANALYSIS

J. Baghana
E. V. Bondarenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
baghana@yandex.ru
bond-elena@yandex.ru*

The article deals with the English language at its old stage of development, studies its four dialects specific morphological peculiarities, analyzes the variety of forms markers.

Key words: language evolution, dialects characteristic features, morphological categories markers, language change reasons.